

Глава 1

Так уж случилось, что первый раз близко столкнуться с полкачом Саше довелось на своей первой операции. Только по прошествии времени открылось, насколько важен был тот первый выход в горы, насколько круто он изменил его армейскую жизнь. Судьба единым росчерком пера возвела его — ошарашенного, перепуганного, пришибленного новой безжалостной жизнью мальчишку — в разряд легендарного полкового изгоя.

Поначалу все складывалось для него в общем-то неплохо. Призвавшись в мае 1983 года, он попал в Теджен — в учебку с громким и претенциозным названием «Школа гладиаторов». Без особых эксцессов закончив это славное заведение, Саша, имея специальность механика-водителя, в первых числах сентября очутился в городе Файзабад провинции Бадахшан Демократической Республики Афганистан.

* * *

Через час после прибытия всех молодых загнали в служивший полевой столовой и загадочно именовавшийся ЦРМом огромный оцинкованный ангар. Там вновь прибывших стали рассортировывать по подразделениям, а буквально через пять-десять минут начался обстрел полка. Впрочем, событие, как Саша после узнает, в полку довольно обыденное, даже банальное, если не считать того, что такого массированного огня по лагерю не помнили даже дембеля.

Вначале раздалось несколько совершенно мирных глухих хлопков, и по жестяной крыше звонко затарабанила хлесткая дробь. Ничего не понявшие молодята даже не дернулись, в отличие от большинства офицеров, которых словно ветром сдуло. Те же, кому не нужно было поднимать свои роты, быстро и четко вывели новобранцев из столовой и без всяких церемоний уложили их носом вниз в проходивший тут же, перед ангарами, пересохший арык.

К тому часу уже стояла непроглядная азиатская темень, и в иссиня-черном небе, на фоне освещаемых вспышками разрывов скал, развернулась потрясающая феерия. Ничего подобного Саша не мог себе даже представить. Духи, пытаясь накрыть артсклады и ГСМ, с трех точек обстреливали полк минометным огнем.

Еще с двух-трех позиций, наугад накрывая палаточный городок длинными веерами очередей, работали крупнокалиберный пулемет и АКМы.

Полк, казалось, взорвался изнутри... Вначале отреагировало боевое охранение, затем подключились минометная и гаубичные батареи, за ними — танки, «Шилки», ударил «Град». Под занавес еще подняли на места предполагаемых позиций духов двойку «крокодилов». Взрывы, вспышки трассеров, вой снарядов, гранат, ракет... Каждый оставлял свой неповторимый след, имел только ему присущий звук, цвет...

На Сашу и его бывших однокашников по учебке навалилась лавина новых захватывающих впечатлений. Страх не было. Невиданное зрелище настолько увлекло их, что все они, невзирая на визг осколков и ругань офицеров, выскочили наверх арыка и, от удивления раскрыв рты, замороженно вертели в разные стороны

головами, указывая пальцами на особо впечатляющие вспышки.

В довершение ко всему поднятые по тревоге роты разлетелись по периметру полка на свои позиции и открыли огонь из личного стрелкового оружия. Все вокруг засветилось от догоравших малиновыми светлячками в разломах скал длинных трассирующих струй.

Через десять–пятнадцать минут представление окончилось. Молодняк вновь загнали в ангар и, быстренько распахав по подразделениям, увели в палатки. Рядовой срочной службы Александр Зинченко был распределен в четвертую мотострелковую роту единственного на весь полк рейдового второго батальона.

Глава 2

К рейду в урочище Аргу часть готовилась долго — целую неделю. Для нового полкача это была не столько первая операция, сколько наиболее важная акция. Впервые за свою стремительную карьеру он очутился так близко от заветной мечты. Счастливая звезда была до боли близка — нагнуться и поднять с земли: тридцать два года, подполковник, командир отдельного мотострелкового полка, что по советской табели о рангах соответствовало командованию дивизией, кавалер всех мыслимых наград и знаков отличия, каких можно добиться за десять лет безупречной службы, не участвуя в боевых действиях. У него был прекрасно защищенный тыл: мать — член Верховного Совета СССР, отец — преподаватель Академии Генерального штаба ВС СССР, генерал-полковник в отставке. И можно

только гадать, какие заоблачные высоты открывались перед ним после назначения в Афганистан. Да к тому же в такое перспективное место — центр пограничной провинции Бадахшан, город Файзабад.

Оторванность от основных центров страны и сороковой краснойзнаменной, относительная отдаленность от Союза — более ста двадцати километров высокогорья, подчиненность воинской части напрямую штабу армии делали нового командира полномочным хозяином всей области, не считая, разумеется, духов. А близость Пакистана — чуть более восьмидесяти километров, довольно сложная боевая обстановка и тяжелые природно-климатические условия региона давали необъятный простор для реализации его полководческих амбиций.

Подполковник Смирнов, надо отдать ему должное, прекрасно знал неписанные правила игры. У него как у органичного звена системы были две возможности: разыгрывать «мизер», то бишь беспроегрышно сидеть в полку, собирая чеки на дембель, получать в подарок от местных парткнязьков всевозможные «бакшиши», а в перерывах между попойками и щупаньем секретарш писать в Кабул отчеты об удачно проведенных полком боевых операциях.

При таком раскладе он через пару лет укатил бы в Прибалтику получать дивизию и, наградив себя двумя-тремя орденами, прокрутил в погонах по третьей дырочке, что, в принципе, тоже неплохо. Как-то по этому поводу полкач в узком кругу высказался следующим образом: «Мизер — это для дебилов и старых пукеров, у меня своя высота!» На армейском жаргоне эта высота именовалась следующим образом: «рвать жопу на Героя».

По существу, и рвать-то особенно нечего было. Требовалось всего-то участвовать в мало-мальски крупных полковых акциях, и разумеется, что участие в рейдах комполка кардинально отличалось от участия в том же выходе, например, рядового четвертой мотострелковой роты Александра Зинченко. Да не мешало бы иметь какие-либо, хоть немного заметные, успехи на ратном поприще. Все остальное не в счет.

Спускаясь в сентябре восемьдесят третьего на охристо-желтую пыль полевого аэродрома, Смирнов уже совершенно точно знал, что его игра — «тотус». В тот же вечер это узнал и весь полк. На разводе, где воинской части был представлен новый «папа», а ночью на совещании с командирами подразделений и начальниками служб о том было заявлено не стесняясь, прямо и недвусмысленно (подполковник разговаривал с подчиненными исключительно на понятном народу языке). Сказано было ясно: «Нехрен сраки парить, без захваченного у духов трофейного оружия вы у меня вместо наградных и очередных званий будете х... смердящий отс....ать; только пленные, оружие, документы и захваченные у мятежников материальные и иные ценности буду рассматривать как удачные боевые действия, а кто считает иначе, тот пусть заранее др...ит себе задницу!» А также: «Клал я на ваши караваны, и пусть эти п... (имелось в виду афганское руководство) хоть х... свою границу перекрывают».

На робкое, но аргументированное возражение о том, что воинская часть и так делает все возможное, что двести восемьдесят бойцов, которых полк в состоянии выставить на операцию, явно мало на высокогорную пограничную провинцию, что мы с трудом

охраняем себя, свои точки, город и прочее, ответ был предельно краток: «Меня это не е...! Воевать будут все, даже тыловики».

Буквально через полторы недели после прибытия в часть полкач возглавил операцию в районе урочища Аргу.

Глава 3

Прибытие молодых солдат в роту — не просто событие. Это надежда для одних, грандиозная и долгожданная радость, да что там радость — праздник для других и снежный ком проблем для третьих. Для принявшего полгода назад третий взвод лейтенанта Пономарева новобранцы были долгой, минимум на три-четыре месяца, монотонной головной болью, как, впрочем, и для любого взводного части.

Феномен «духа» в боевом подразделении усугублялся тем, что у молодого командира была своя личная проблемка: он, как и еще пятая часть офицеров полка, играл свой «тотус». Конечно, он не имел видов на Героя и на дивизию через полтора года, но ему, только-только выпустившемуся из алма-атинского общекорпусного, светили свои, пусть не такие яркие и ослепительные, но тем не менее по-своему дорогие и притягательные «родненькие звездочки».

Тем более что перед мысленным взором витал наглядный пример — буквально на днях заменившийся комбат. Придя осенью 1981 года никому не известным капитаном, он прыгнул от начальника штаба батальона до зама комполка по боевой части

и укатил в чине подполковника куда-то в Венгрию, естественно, с очередным повышением. Кроме этого, он успел поступить в военную академию, переспать со всеми хоть немного привлекательными полковыми бабами, и помимо всего прочего, умудрился заработать (именно заработать, а не получить на халяву) ордена Красного Знамени и Красной Звезды и медаль «За отвагу».

Еще он пользовался всеобщей любовью солдат батальона (если не всего полка), которая доходила временами до обожания. Правда, последний нюанс заботил Пономарева меньше всего. Ему шел двадцать второй год, и у него был шанс, упускать который он ни в коем разе не собирался, тем более что ротный был убежденный залетчик и в свои двадцать восемь все еще сидел в старлеях.

Будучи мужиком порядочным, ротный никаких иллюзий относительно этой войны не имел, а посему особо не выслуживался, в высказываниях не осторожничал, перед штабистами не заискивал, как тогда говорили — по службе не прогибался. Своей самой главной заслугой командир роты считал то, что за полтора года службы он не потерял ни одного человека. И это действительно заслуга. Полтора года назад принятое им подразделение уже имело на своем скорбном счету четырнадцать погибших — офицеры, сержанты, рядовые... Через пять месяцев после его ухода по замене 4-я МСР потеряет еще троих бойцов и одного офицера.

Остальные офицеры подразделения больше думали о конце «афганского срока», нежели о блестящей карьере. Замполит, ровесник ротного, на каждом политзанятиях не упускал случая напомнить солдатам,

что он не только и не столько политработник, но еще и «председатель полкового общества непримиримых пох...ов» и ему все до лампочки. Что же касается командиров первого и второго взводов, то это были люди временные и предпочитали, не высовываясь, дожидаться своего «малого дембеля».

Приняв в такой ситуации третий взвод, Пономарев быстренько уболтал ротного и старшину, негласного пахана четвертой мотострелковой, превратить свое подразделение в ударную группу, обязуясь, по его же образному выражению, «закрывать все горячие щели своей взмыленной жопой». Видя очевидные плюсы предложения толкового лейтенанта и учтя его клятвенное обещание не лезть на рожон, командиры без особого сопротивления пошли ему навстречу. Переписали штатное расписание, выкинули из третьего взвода всех молодых и дембелей, оставили тех, кто отслужил по году и полтора, отсортировали из оставшихся всех бестолковых и слабосильных, а взамен из первого и второго подкинули сообразительных и крепких.

Командование батальона еще более устраивало появление новой ударной группы, состоявшей из опытных, обстрелянных солдат. Легендарный начштаба Цезарь, ознакомившись со списком личного состава, только ахнул. Еще бы — все старослужащие, в своем большинстве призванные из городов и, за исключением таджика-переводчика и водителя-дагестанца, все русские и украинцы.

Как следствие новой кадровой политики, в палатке третьего мотострелкового царил идеальный по местным меркам порядок, да и по остальным показателям

он сразу поднялся на две головы выше первых двух, которые теперь располагались в одной палатке со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ко всему прочему, у них за две недели произошло несколько ЧП, одно из которых стало известно за пределами роты. Командиров первого и второго взводов хорошенько поимели, после чего те опомнились и взбунтовались, но уже было поздно что-либо менять.

Но зато теперь Пономарев получил троих молодых солдат, и отвертеться от такого подарка не было абсолютно никакой возможности. В ответ на не очень уверенную попытку протеста ротный — у самого голова гудела — раздраженно послал лейтенанта к такой-то матери...

Назревающий конфликт незаметно погасил старшина. Прапору оставался год до отставки, он был мудр, как сказочная сова, знал армию и военных людей лучше, чем свою каптерку, и в две минуты успокоил заведенного взводного. Отведя молодого лейтенанта в сторонку и по-отечески с ним переговорив, Дед, а иначе старшего прапорщика Старчука не называл никто, даже комбат, как бы невзначай посоветовал одного салабона посадить на машину, а двоих оставшихся поставить как пехоту.

Учитывая, что штатное расписание служило больше для галочки и при назначении на должность реально исходили лишь из фактора целесообразности в боевой обстановке, — весьма дельный совет. Немаловажной была и собственно штатная специфика. Например, в третьем мотострелковом, как и в любом другом взводе батальона, насчитывалось всего восемнадцать—двадцать бойцов, включая сержантский состав и самого командира: три пулеметчика, три снайпера, три авто-

матчика, составлявшие расчет АГС*, три сержанта — командиры отделений — и шестеро спецов: механики-водители и операторы-наводчики, обслуживающие 147-ю, 148-ю и 149-ю БМП.

Вот так — тихо и без нажима — уладили конфликт. Вызвав замкомвзвода и двух дедушек, Пономарев распорядился, чтобы утром на зарядке посмотрели молодых и доложили о результатах.

Через сутки Саша уже числился пулеметчиком третьего взвода четвертой роты второго мотострелкового батальона восьмьсот шестидесятого отдельного мотострелкового полка.

Глава 4

Своей первой боевой операции новый командир полка придавал столь великое значение не только в силу лично своих тщеславных соображений, был еще один факт, о котором он знал и который при определенных обстоятельствах мог косвенно задеть его карьеру. И весьма чувствительно... У воинской части был свой «скелет в шкафу»...

При прошлом командире, в мае восемьдесят третьего, штаб армии блестяще спланировал крупномасштабную полковую акцию в районе точки Бахарак. Несмотря на то что в километре от одноименного кишлака, в старой афганской крепости, дислоцировался усиленный танковыми взводами и 120-мм миномет-

* АГС-17 «Пламя» — автоматический гранатомет, станковый.

ной батареей целый батальон, весь район полностью находился под контролем моджахедов, впрочем, как и вся провинция.

Рядом с Бахараком проходили караванные тропы, ну и самое главное — этот район служил естественными воротами в территориальный аппендикс, носивший на солдатском просторечье наименование Карамуджен и тянувшийся вдоль советской границы до самой Индии и Китая.

Там якобы находились душманские базы, учебные лагеря, госпитали и даже аэродромы. Еще в этой стране грез процветали сотни лазуритовых и золотых приисков. Одним словом, духи в тех краях спали на мешках с золотом и драгоценными камнями — эдакое маленькое Эльдorado. Естественно, никто ничего наверняка не знал, так как по понятным причинам туда не ступала нога советского солдата. Посему довольствовались быличками и легендами, подкрепленными для верности ссылками на особистов и ХАДовцев*.

В штабе армии решили, что сил полутора батальонов вполне достаточно, чтобы проверить правдивость этих историй, и поэтому отдали приказ о проведении крупномасштабной акции. В Кабуле уже не первый год при одном упоминании о Карамуджене толстые дяди обильно пускали слюни на увешанные орденами мундиры.

Прибывшее по такому случаю начальство непосредственно руководило проведением операции, правда, с безопасного расстояния — прямо из точки. Они уже настояли на том, чтобы в боевом выходе участвовала вот уже два года стоявшая «на приколе»

* ХАД — войска КГБ Афганистана.

и врытая по самые башни в капониры бронетехника первого батальона. Переубедить их в целесообразности этого шага оказалось невозможно. «Товарищи офицеры! Вы что? Условия — не оправдание! Техника должна быть всегда на ходу!» Технику действительно наспех поставили «на ход», но, не успев даже отойти от Бахарака, бронегруппа попала в искусную засаду, и за каких-то двадцать–тридцать минут десяток полупрофессиональных снайперов выбил половину батальона. Насколько тяжким было поражение, понесенное в этом бою, можно оценить хотя бы по тому, что даже в официальных армейских кругах его называли не иначе как «бахаракская бойня».

Вначале, при переправе через брод, перекрыв пути отхода шести машинам, подорвалась одна из БМП. Пока ее пытались вытащить, с плато начался беспроигрышный, как в тире, отстрел бойцов. С расстояния в сто-двести метров сверху вниз духи неторопливо выбивали тех, кто хоть немного высывался из-за брони. Старая техника глохла, половина орудий не работала, из остальных вести прицельный огонь было практически невозможно. Кое-как при отходе удалось взорвать одну из машин, еще две сумели поджечь, а четыре оставшиеся так и бросили — с пушками, пулеметами и полными боекомплектами.

Неизвестно, чем бы окончился этот бесславный поход, если бы положение батальона немного не поправил молодой сержантик. Ему, оставшемуся с первыми машинами на противоположной стороне реки, каким-то чудом удалось проскочить до мертвой зоны, подняться на плато, благо невысоко, и в упор расстрелять две позиции моджахедов. В сплошном огневом барьере